

Носилов Константин Дмитриевич

Северные рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Дмитриевич Н.**
Северные рассказы / Носилов Константин Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
306 с.

ISBN 978-5-521-25728-7

ISBN 978-5-521-25728-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ НОСИЛОВ

Носилов Константин Дмитриевич родился 29 октября 1858 года в селе Маслянском, неподалеку от города Шадринска.

Еще в детстве он проявлял большой интерес к исследованию природы и к путешествиям и, будучи юношей, твердо решил стать путешественником.

В 90-х годах он поехал за границу и в лучших университетах Франции слушал лекции по естественно-географическим наукам. Учился он также у знаменитого географа и путешественника Элизе Реклю.

С 1887 года Носилов начал исследование нашего полярного севера. Он поехал на суровый безлюдный остров — на Новую Землю и там пробыл три года. На Новой Земле он основал две колонии ненцев* и построил домик-станцию, где вел регулярные наблюдения над жизнью природы.

Хорошо обследовал он также нижнее течение Оби, полуостров Ямал и неоднократно совершал путешествия по Северному Уралу.

Все эти путешествия необследованных краев были сопряжены для Носилова с большими трудностями и опасностями, но это не останавливало настойчивого путешественника.

* До революции ненцы презрительно назывались „самоедами“.

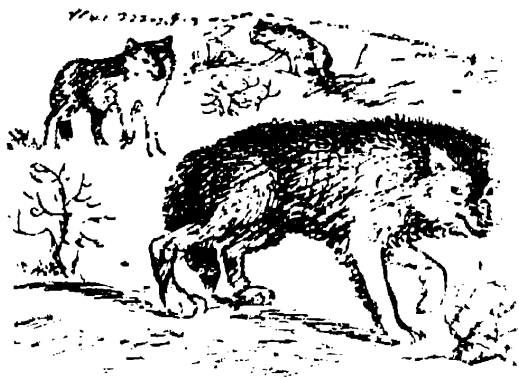
Носилов горячо любил Север и с глубокой симпатией относился к северным народностям, задавленным капитализмом.

Об этих народах, их жизни и быте он написал не мало рассказов для взрослых и для детей.

В этот сборник взяты его лучшие рассказы из детских воспоминаний и рассказы о Новой Земле и Печорском крае, которые были написаны Носиловым до Октябрьской революции.

Умер Константин Дмитриевич Носилов 3 февраля 1923 года.

ВОЛКИ

Совсем не стало волков в нашей стороне, как и многого другого зверя. Да и где нынче водиться серому волку? Леса повыврублены и вывезены на дрова в город; болота, займища, где так любил прятаться и устраивать себе логово волк, уже все высушены. Кроме

того, сколько развелось всюду охотников.

Кто теперь не держит ружья в деревне? И весной, только что стает снег, и зимой, как только настанет свободная пора у крестьян, всюду бродят, ездят, ходят на лыжах охотники. Где уж тут укрыться серому волку? А сколько еще наедет каждую весну и осень охотников из города!

Зимой и осенью стон стоит по жиленьким рошицам, уцелевшим от старого леса, и оттуда без ума несутся на голые пашни и луга и ошалевший белый заяц, и перепуганная лисичка, и оставшийся кое-где серый волк.

А между тем, давно ли сжималось и трепетало маленькое сердце при одном слове „волк“? Давно ли мы даже носа не смели показать в ближайшую березовую рощу, боясь серого.

Мне не забыть никогда, как я в первый раз в жизни услышал вой волков, еще будучи маленьким. Это случилось раз ночью, когда мы спали с отцом летом на вышке. Я уже спал глубоким сном, когда меня вдруг тихонько, чтобы я не испугался, разбудил отец и сказал, что на выгоне ~~воют~~

волки. Я даже задрожал при этом. Отец взял меня на руки и поднес к слуховому окну. На дворе сначала ничего не было видно, но потом я рассмотрел яркие звездочки, крышу нашего амбара, за которой уже была полная, беспросветная темнота.

— Слушай,— сказал мне отец,— только не бойся,— они далеко.

Я прижался к его груди и наострил уши.

Но была полная тишина, и слышно было, как колотилось мое сердце.

— Не слышу!— шепчу я отцу, едва переводя дух.

— Молчи..

И вдруг я вздрогнул, прижался к отцу, обвил ручонками его шею и чуть не бросился от него к постели: до меня, сначала слабо-слабо, потом яснее и яснее донесся дальний вой волков, страшный вой а-у-а-у-у-у,— который так и хватал за сердце.

— Не бойся, не бойся,— успокаивал меня отец, и я более спокойно стал прислушиваться к этому вою. Что-то страшное, захватывающее дух, жалобное было в этом вое. И я спросил отца, едва шевеля губами:

— Они голодные.. эти волки, папа?

— Голодные.. Слушай...

— Они придут сюда, папа?

— Нет, не бойся, не придут... Слушай...

Слушая вой волков, я воображал их себе в густом лесу, с горящими, как свечи, глазами, с оскаленными белыми зубами, с раскрытой пастью, из которой выходили в безмолвном воздухе эти страшные, хватающие за душу звуки.

Сон прошел, боязнь тоже. В воображении были только одни волки. Я уже видел себя героем, большим, с ружьем, проникающим ночью в лес с нашим Полканом и открывающим страшную пальбу, от которой так и валятся эти воющие страшные волки.

— Слушай!— говорит мне отец.

Помню, мы долго тогда стояли так и слушали вой волков. И, кажется, слушали его не одни мы, а и вся деревня,

все собаки, даже наш храбрый Полканко, не смея и голосу подать, услышав страшных врагов.

Как вдруг со стороны степи послышался какой-то шум. Ближе, ближе и в наш проулок ворвалось громадное скачущее, блеящее стадо овец, которое с шумом пронеслось мимо нашего дома и остановилось у церковной ограды, сбившись в одну общую кучу.

Я было чуть-чуть не вырвался из рук отца — так это меня поразило. Отец успокоил меня, говоря, что это овцы, и нам с ним вдруг сделалось смешно, что они так перепугались дальнего воя волков и принесли с выгона к церкви, к сторожу, который для них был единственной, в своем роде, защитой.

Хотя стада и не было видно в темноте, но я живо представил их в кучке у церкви, с расширенными от испуга, выпученными серыми глазами и беспокойными движениями, готовых снова пуститься куда-нибудь от малейшего движения.

Овцы нас рассмешили. Больше не стало слышно и волков, и мы снова отправились к постели.

Но и в постели я продолжал видеть волков и овец и фантазировать и, вероятно, так наскучил отцу ненужными вопросами, что он отворотился от меня и захрапел, как ни в чем не бывало.

* * *

В то же самое лето я слышал с той же вышки нашего дома и в другой раз вой волков.

Как сейчас помню, мы с отцом лежали на постели, прислушиваясь перед сном к голосам ночи. Где-то в ближайшем болоте кряхтел и скрипел, надсаживаясь, коростель; где-то далеко-далеко в полях посвистывала также однообразно, но более милым голосом перепелочка; где-то вот тут за двором, в нашем огороде, трещал кузнечик. В слуховое окно было ясно видно, как на небе мигали светлые звездочки. И хорошо было смотреть на этот клочок звездного неба и слушать коростеля и перепелочек; так хорошо, что не заснуть бы всю ночь. Но усталость брала свое,

глаза понемногу слипались. Голос коростеля становился дальше и дальше, голос кузнечика словно тоже куда-то улетел.

Вот в этот момент, в эти-то минуты забытья, вдруг до нас ясно донеслись какие-то необычные звуки. Кто-то вдруг испустил отчаянный резкий крик, и потом сразу замолк, чтобы через секунду снова прорезать воздух отчаянным визгом, в котором трудно было узнать чей это голос.

Мы с отцом моментально были на ногах, бросились оба к слуховому окошку и замерли там в ожидании, потому что голоса опять смолкли. Как вдруг отчаянно заржала лошадь и вслед за ее ржаньем раздался снова отчаянный визг животного, в котором мы сразу узнали голос жеребенка. Потом раздался вой волков, заржали другие лошади, в наш переулок ворвалось стадо лошадей и коров, послышался страшный топот, земля дрогнула и наши лошади отчаянно забились в запертых конюшнях.

— Папа, папа, что это такое? — спросил я, чуть не плача.

— Не бойся; это волки, они в поле...

И в этот момент я снова ясно расслышал, как жалобно завизжал жеребенок, голос которого уже слабел, сливаясь с голосами волков, которые на него уже напали.

Мне стало жаль жеребенка, и я заплакал.

Но отец меня, как мог, утешал:

— Не плачь. Полно... Будет... Слышишь, он замолчал?

Я прислушался сквозь слезы и, действительно, уже ничего не слышал, кроме ворчанья и драки.

Наши лошади продолжали страшно биться, чуя зверя. Я подумал, что волки уже забрались к нам во двор и давят нашего Карька.

Но папа успокоил меня и на этот счет, говоря:

— Ну, куда им до нашего Карька, он заперт крепко.

Мало-помалу лошади перестали лягаться в дверь, и в степи тоже все смолкло; ворчанья волков стало не слышно, и снова заскрипел коростель, засвистала перепелочка где-то теперь недалеко в поле, и застрекотал в огороде кузнечик. Мы снова легли в постель, прижавшись друг к другу.

Снова так же блистали яркие, милые звездочки, такая же была тишина ночи, словно и не было тут близко от нас страшной драмы.

Разумеется, на следующее утро, как только я встал, так тотчас же побежал рассказать все матери, сестрам и брату. Потом побежал к товарищам, с которыми мы отправились на место ночного приключения. Мать было меня отговаривала, чтобы я не ходил, страшая волками; сестры хвагались за полы моего пальто, говоря, что меня, как и жеребенка, съедят непременно волки. Я сам было струхнул и сбавил наполовину пылу; но мысль, что я пойду не один, а с работником Трофимом, что с нами туда же отправятся все мои сверстники, что, наконец, мы будем вооружены, хотя все наше вооружение могло состоять только из палок, взяла верх над минутным колебанием, и я гордо заявил, что отправляюсь.

Трофим решил идти с нами, хотя уверял нас, что мы ничего там не найдем, кроме костей.

И он был прав; в степи мы нашли только пару копыт рыжего жеребеночка и капли крови.

Трофим рассказал нам, как берут волки жеребенка в поле, и представил нам такую страшную картину, что мы стали оглядываться, не видать ли где волков.

Но бояться было ровно нечего. Трофим говорил, что волки теперь сыты, убежали далеко в займище и спят, дожидаясь ночи, и что, уже напроказив здесь, сюда ни за что не воротятся.

Пока я представлял волка только в воображении: я еще не видал его живым. Правда, я видел шкуру волка на ярмарке; но там, сколько я в нее ни вглядывался, не видно было настоящего волка: шкура была страшно растянута, головы не было совсем, и только две пары лап да еще пушистый хвост, который вслочился за мужиком-продавцом по снегу, пугали меня.

Правда, мне довольно наглядно представляли мужики волка, и, помню, один довольно удачно показал голову волка вечером на стене, сделав перед огнем как-то сложенные руки так, что я хорошо видел пасть волка, и так

хорошо, что даже вздрогнул и попятился, как мужик вдруг при этом еще „авкнул“ и взвыл, чем страшно рассмешил всех в кухне. Но этого было недостаточно, чтобы все это заменило мне живого волка, и я страшно хотел его видеть хоть раз в жизни, чтобы иметь о нем ясное представление.

И раз, действительно, мне это удалось.

* *

Это было уже зимой.

В эту зиму были страшные непогоды, и снегу намело в наш переулочек со степи столько, что наш сосед, старик-крестьянин, уже лазил в свой двор не в ворота, а прямо через забор. Это была какая-то исключительная, страшная зима; снег валил большими хлопьями, а ветры были такие, что изба соседа была почти сплошь засыпана снегом, а на его соломенной крыше снег навалил такой сугроб, что я все думал, что сугроб этот упадет на кого-нибудь и задавит. Но он не падал и все больше нарастал.

Вот в эту-то зиму и появились волки около самого нашего села, тревожа всех каждую ночь.

Только, бызало, настанет утро, как Трофим уже является с новостями и рассказывает: „сегодня у Осипа волки зарезали овцу“; „вчера ночью волки, говорят, были в ограде у Кузьмы“.

И дело с волками дошло до того, что нас не стали совсем пускать вечером на улицу кататься с горы, и даже днем не позволяли отлучаться в деревню.

Что ни ночь, то история с волками.

Волки стали уже душить собак; волки стали уже ходить по задворкам; волки стали забираться в хлева и есть гусей.

Это было какое-то нашествие волков, и крестьяне все в голос, жалуясь на них, говорили, что будет тяжелый год, хотя папа и говорил, что волки потому ходят и давят в нашей деревне, что у мужиков неплотные дворы, а волки голодны, потому что все в лесу занесло так же, как в нашем переулке, снегом.

Это нашествие волков порядочно-таки убавило у меня храбрости. Признаюсь, я стал уже побаиваться вечером и

даже вздрагивал порой на печке около стряпки Агафьи, хотя там ровно не было никого, кроме тараканов. Но, тем не менее, мне страшно хотелось видеть волков.

И вот я увидел волка.

Это было рано утром, когда только что стало светать, и я опять был этим обязан моему отцу. Нужно заметить, что он любил нас знакомить всех, а меня в особенности, с царством животных.

Так случилось и в то памятное раннее утро, когда вдруг в нашем проулке появились волки. В это утро они как-то скараулили у нашего соседа молодую свинку, когда она на рассвете только что была отправилась на реку, к прорубям, пить. Эта свинка хорошо была нам известна, потому что она зимой и летом лазала под нашу подворотню, бродила по двору и викала под окном кухни. И когда мы слышали ее виканье, то уже вперед знали, наученные всезнающим Трофимом, что будет непогода или даже буря.

Я и сейчас помню, как меня осторожно разбудил отец и понес на руках в одной рубашке в избу. Я протираю кулачком глаза. На ходу отец таинственно сообщает, что в проулке волки, и я окончательно просыпаюсь и тянусь к окну.

— Смотри, смотри! вон, вон они ведут свинку, — говорит он мне, поднеся меня к окну.

Но я ничего не мог рассмотреть, тараща глазенки.

— Смотри, вон, направо, у самого огорода.

Я всматриваюсь по указанию его руки и вдруг вижу, хотя неясно, но вижу, как пара волков, страшно похожих на обыкновенную собаку и даже совсем не таких больших, как я воображал, ведут что-то вроде, действительно, свиньи, таща ее вдоль самого прясла.

— Видишь? Видишь? — говорит отец.

— Вижу, вижу. Это волки, папа? Это волки?

— Да, да, волки. Они ведут свинью. Видишь, один ведет ее за ухо, а другой ее покусывает сзади. Видишь, она упирается, нейдет?

И я, действительно, вижу, что свинья нейдет, все вертится задом, ее покусывают, и даже слышу, ясно слышу,

как она визжит,— тонко так визжит, когда ее кусает сзади волк, и ей больно.

— Папа, но они ее съедят! Надо послать Трофима!— говорю я, чуть не плача.

Но отец говорит, что уже теперь ничего не сделать, что они и ведут ее только потому, что пока еще не вышли из нашего переулкa. Трофим спит, соседей тоже послать некого,— все еще спят,— и надо покориться бедной свинке.

Но это меня страшно возмущает: я, действительно, вижу, что волки уводят ее дальше и дальше. Вот уже их плохо видно в сумраке утра, вот уже не стало слышно визга, вот уже волки исчезли совсем из окна. Конечно. Теперь задавили или давят. Это минутное дело. Это меня так возмущает, что я готов туда бежать, к этим волкам, отбивать свинку соседа, драться с ними палками, если бы только не отец, который несет меня уже обратно в детскую и водворяет снова в кровать.

Но я еще долго вижу эту пару волков, эту бедную свинку.

Утром, когда мы встали, мне показалось странным, что все говорили шутя о задавленной волками свинке, и никто, ровно никто, ее не жалел даже сам ее хозяин, старик седой, который только хлопал по коленкам руками, рассказывая, как хитро волки подкараулили его свинку, когда она побежала утром на водопой к реке.

После этого случая я, признаться, даже не стал играть вечерами в своей ограде.

„Ведь высунь только нос из дому, как волки тебя и поведут на глазах у всех за ухо на задворки“, думал я про себя. „Пожалуй, и тебя не будут нисколько жалеть, как не жалели уведенной свинки“.

Но больше всего меня тревожил вопрос, как мы поедем на рождество к дедушке.

Дело в том, что дорога к нему шла как раз в том направлении, куда увели волки свинку. А путь не близкий, целых двадцать верст, и что особенно страшило мое маленькое сердце,— это то, что на середине дороги было дикое место, падь, где даже летом мама боится постоянно волков.